

ЖАЛПЫ ЖӘНЕ ОРЫС ТІЛ БІЛІМІ ОБЩЕЕ И РУССКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81.7 367.3

Семантическая история славянизмов в русском языке в свете их «культурной памяти»

Киынова Ж.К.

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы

Мақала орыс тіліне көне славян және шіркеу славян тілдерінен енген славянизмдердің семантикалық тарихына арналған. Сөздердің эволюциясының нәтижесі болып табылатын олардың семантикасында мәдени ақпараттың сақталуы қарастырылады. Тарихи сөздіктер мен картотека мысалдары арқылы осы тілдік құбылыс талқыланады. Сонымен қатар бірнеше семантикалық үдерістер негізінде болған өзгерістер сипатталады. Славянизмдердің орыс халқының тарихы мен мәдениетіне тікелей қатысы бары айқындалады.

This article is about the semantic history Slavonicisms — linguistic units that have passed a long way in the Russian language. The author also describes the specific examples of culturally significant footprint, existing in the modern use of words and expressions, and also explores the evolution of semantic Slavonicisms. As a result of which they are filled with new relevance to the modern language, conceptual content.

Русский язык хранит представления о мире, сформированные в разные исторические периоды, поэтому «историческая память» языка требует учитывать культурно-историческую мотивацию семантики и употребления языковых единиц в синхронии. В настоящее время назрела потребность в выявлении исторической мотивации современного словоупотребления, позволяющей говорить об эволюционных преобразованиях в семантике слов, в частности славянизмов. И именно сейчас, в связи с осознанием христианских духовных ценностей, слова, заимствованные из старославянского (церковнославянского) языка, становятся ценностно отмеченными, что обусловлено произошедшими в картине мира носителей языка преобразованиями.

Вопрос о славянизмах является одним из основных в общей проблеме возникновения и развития русского литературного языка, в определении его генетической основы. Так, В.В.Виноградов в предисловии к «Очеркам по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.» пишет о научной истории русского литературного языка как органической части истории культуры русского народа: «Усвоение старославянской лексики отвечало потребностям русской культуры и русского языка и отражало те культурно-исторические сдвиги, которые переживала Древняя Русь в связи с принятием христианства» [1; 513].

В русский язык вошло значительное число слов, заимствованных из старославянского (церковнославянского) языка, обогатив при этом русскую лексику, в особенности ее книжный и абстрактный слои. Эти слова имеют свою длительную историю и разную «судьбу»: одни из них воспринимаются как «свое», так как семантико-стилистическая ассимиляция славянизмов привела к слиянию их в единое целое с исконно-русской лексикой (*бытие, область, праздник, отращение, среда, потребность* и др.); другие употреблялись в основной своей части как стилистические синонимы русских нейтральных слов (*лобзать — целовать, внимать — слушать, очи — глаза, лик — лицо, град — город, брег — берег, лодка — ладья* и др.).

Другими словами, в результате различных словообразовательных, семантических и стилистических процессов славянизмы теряли свою генетическую маркированность, становясь функционально

русскими словами. При этом генезис значительной части славянизмов может быть выявлен лишь путем специального исследования (такие, например, слова, как *бытие, область, потребность, среда, вдохновение, отвлечение, искоренить, праздник* и мн. др.). Другая часть этой лексики, семантически и стилистически преобразованная, определилась как особая лексико-стилистическая категория, формирующая основной состав высоких и поэтических слов (*агнец, алкать, бремя, внимать, вопиять, врата, глава, глас, грядти, лик, стезя*). Некоторые славянизмы, проникнув в живую разговорную речь, вытеснили из употребления свой исконно русский вариант, ср.: *время — веремя; храбрый — хоробрый, мраморь — мароморь, врагь — ворогь* и др.

Все изложенные выше примеры являются свидетельством того, что славянизмы составили значительный пласт лексики русского литературного языка, состоящий в большинстве своем из слов отвлеченной семантики, относящихся к области религии, церковного быта, морали, философии, культуры. Роль славянизмов в истории русского языка и шире — в развитии духовной жизни русского народа — велика: посредством этих слов шло восприятие русским народом христианской религии и греческого культурного наследия, что нашло отражение в русском литературном языке.

Слова, вошедшие в русский язык из старославянского или из его более позднего извода — церковнославянского языка, связаны с различными реалиями, понятиями и представлениями далеких эпох, поскольку способны хранить в народной памяти «следы далеких эпох», великие события жизни народа, достижения и потери, положительный опыт и ошибки человеческого бытия [2; 281]. Большая культурная и художественная ценность, заключенная в их семантике, позволяет говорить о «семантической памяти» славянизмов, которая является следствием их эволюции.

Славянизмы в истории русского литературного языка имели длительную традицию употребления, их исследование в русском языке проводилось по следующим направлениям:

- изучение судьбы славянизмов, т.е. их семантической эволюции — освоение и ассимиляция русским языком;
- стилистическая роль и стилистические функции славянизмов в русском литературном языке и языке художественной литературы;
- изучение стилистической дифференциации славянизмов в их соотношении с русизмами и их синонимических возможностей;
- описание функционирования неполногласной лексики относительно полногласной на разных хронологических срезах русского языка;
- освещение семантико-словообразовательного аспекта изучения старославянских формантов и др.

Важным, на наш взгляд, является изучение славянизмов как лингвокультурного феномена в тесной связи с их семантической историей. Именно этот аспект изучения славянизмов остается малоисследованным в сравнительно-историческом языкознании. Компонент семантики славянизмов, связанный с их культурной памятью, представляет особый интерес, при этом существенным является описание утраты старых и приобретения новых смыслов в русском языке, что прослеживается в самой истории слов. Об этом писал исследователь военной лексики в русском языке XI–XVII вв. Ф.П.Сороколетов: «История слова должна воспроизводить все содержание, всю цепь его смысловых превращений, все его «метаморфозы». Она стремится раскрыть конкретные условия употребления слова в разные периоды его речевой жизни. Она определяет исторические закономерности изменения значений, связывающих судьбу отдельного слова с общим ходом развития всей семантической системы языка или тех или иных его стилей. История слова жизненнее, динамичнее и реальнее его этимологии. Вопрос о происхождении слова только тогда получает твердую культурно-историческую базу, когда он опирается на исследование всех этапов смысловой эволюции этого слова [3; 8, 9].

Эволюция представлений о понятиях в истории русского языка приводит как к их ценностному осмыслению, так и к переосмыслению старых значений. Культурно-историческая мотивация современного словоупотребления позволяет говорить о случаях системных эволюционных преобразований. В первую очередь это касается славянизмов, которые имеют внутреннюю семантическую историю. Процесс проникновения старославянской (церковнославянской) лексики в русский литературный язык осуществлялся в разные исторические периоды неравномерно, что зависело, прежде всего, от определенных культурно-исторических условий.

Семантическая эволюция слова как результат действия его «культурной памяти» — следствие того, что в семантике слов сохраняются его существенные характеристики, связанные с исконным предназначением слова, характеризующим особенности мировидения и мировосприятия носителей

языка. При этом значение слова «движется» от конкретного к абстрактному. «Вопрос о «культурной памяти» слова встает в тех случаях, когда оно «помнит» или, напротив, «забывает» (а быть может и реконструирует) какие-то значимые в культурной традиции носителей языка представления и понятия. «Культурная память» не обязательно подразумевает прямое и неукоснительное наследование исконной семантики языковой единицы. Слово может «помнить» то, что существенно с точки зрения новых языковых отношений. Так, семантический акцент на «умозрительности» в славянизмах ставит их в «духовную» оппозицию физически-конкретному, «вещному». Воспринимая слово *грядущее* как старшее по отношению к синониму *будущее*, современное сознание связывает с этим старшинством ценностную отмеченность. В результате сфера употребления слова *грядущее* сужается, специализируется. Но эта специализация происходит по определенной «культурной программе», которая заложена в слове и о которой мы можем судить, обратившись к каноническому текстовому образцу: сужение сферы употребления слов *грясти, грядущее, грядущий* в соответствии с этим образцом позволяет догадаться об исходной связи «книжности» и «церковности» в русской культурной традиции» [4; 71].

О наличии у слова «культурной памяти» свидетельствует и функциональная выделенность, например, «высокого», «книжного» слова *взор* по сравнению с нейтральным *взглядом*. С одной стороны, именно *взор* может быть мысленным, внутренним: *Перед его мысленным взором (взглядом) вставали картины прошлого*; именно *взор* прилагается к обобщенному субъекту: *Взоры (взгляды) Европы устремлены сюда; Взоры (взгляды) всех россиян обращены к вам*. С другой стороны, *взор*, в отличие от *взгляда*, способен описывать чисто внешнюю — не функциональную — сторону объекта, образное впечатление от него: *взор* может быть *голубым, сверкающим, небесным*... Современное значение подобных слов существенно редуцировано по сравнению с исходными, семантика которых включает «высокое» и «умозрительное» содержание.

Языковое сознание носителей языка связывают слова старославянского (церковнославянского) происхождения с самым значимым в культурной традиции носителей языка текстом — Священным Писанием — единственным эталоном и сверхобразцом русской книжности. Как справедливо замечает В.М.Живов: «... нормы книжного языка, нарративные модели ориентировались на духовные тексты, впрочем, как и вся культура в целом» [5; 43]. Поэтому связь некоторых языковых единиц с таким текстом получает интерпретацию в терминах «исконной культовой принадлежности». Между тем именно в исконном значении славянизмы обладали более широкой предметной сферой, что является доказательством динамики их значений от конкретного к абстрактному. Современной науке известно множество фактов абстрагирования — современное значение многих таких слов, характеризующихся двойной актуализацией (как конкретные, предметные значения, так и абстрактные) в прошлом, обладают в современном языке только однозначной «идеальной» семантикой. «Соотнесенность славянизмов с абстрактной семантической сферой отражается и на сочетаемости русских слов. Так, например, по-русски говорят *перервать разговор*, но *перервать нитку*: неполногласная форма (*перервать*) закономерно появляется в сочетании со словом, обозначающим нематериальное понятие (*разговор*), и, напротив, полногласная форма (*перервать*) появляется в сочетании со словом, обозначающим материальное понятие (*нитка*). ... Поскольку абстрактное, а также возвышенное содержание предполагает введение славянизмов (церковнославянские средства выражения), целые фразы в русском тексте могут иметь церковнославянский облик; иными словами, в рамках современного русского языка могут создаваться церковнославянские фразы: *Да здравствует Советская власть!* Здесь нет ни одного собственно русского слова (в смысле генетической принадлежности). ... Русский литературный язык обладает особыми стилистическими возможностями для выражения абстрактного, обобщенного, а также возвышенного, поэтического содержания.

Пожалуй, самым распространенным семантическим процессом для славянизмов является метафорический перенос — один из основных приемов формирования отвлеченных понятий, относящихся к различным сферам духовной, социальной и культурной жизни общества... Слово *ягнец*, имевшее в старославянском языке помимо номинативного прямого значения «ягненок» и переносное, обозначающее безгрешного человека и употреблявшееся преимущественно по отношению к образу Иисуса Христа, получает широкое распространение в русской литературе середины XVIII в. Чаще это слово выступает в контекстах, связанных с культурно-исторической традицией восприятия образа ягненка как культового, жертвенного животного. В этих употреблениях актуализируется смысловой компонент кротости, беззащитности, чистоты. Из сферы церковных понятий оно перешло в область нравственных, секуляризованных.

Развитие переносных значений свойственно многим славянизмам, ср.: глагол *обязать* обозначал то же, что *обвязать*; *отвергнуть* — то же, что *отбросить*; *отвлечь* — то же, что *оттащить*; *исказить* — то же, что *испортить*; *погрязнуть* — то же, что *погрузиться*, *утонуть*; глагол *подражать*, родственной слову *драга* — «дорога», первоначально означал «идти за кем-либо той же дорогой». Глагол *преступити*, первоначально означавший то же, что и *переступити*, преимущественно употреблялся переносно, в сочетании со словами *заповедь*, *законь*, *уставь*, *заветь*, *клятва*, *обещание* и т.п. Эти сочетания имели большую распространенность в религиозной литературе, в частности в церковно-книжных памятниках. Такой «статус» явился причиной изменения значения глагола — «совершить дурной поступок, нарушить нормы поведения, закон», что нашло отражение в современных словах *преступление*, *преступный* и *преступник*, образованных от глагола *преступити*. Приведенные примеры преобразования в семантике славянизмов, обусловленных экстралингвистическими факторами, позволяют выдвинуть предположение о том, что современное языковое сознание носителей языка маркирует славянизмы, особо выделяя при этом такой компонент их значения, как «духовность».

Основное направление семантико-стилистической эволюции славянизмов заключалось в их «обмирщении» — утрате церковной коннотации, в результате чего появляются слова с полной или частичной амнезией — потерей памяти о своем «прошлом». В таких случаях слово реализует два значения: «духовное», «религиозное», и «светское», «мирское», при этом «духовное» воспринимается современным носителем языка как узкоспециальное — «церковное». Так, связь *страсти* со «страхом» и всем комплексом «страдания», «испытания», «подвига» и «очищения» обыденным языковым сознанием не ощущается. Понимание *страстного* как «страшного» можно проследить на следующем примере: ...*Сыне Божий, ущедри мя и сподоби одесную тебе стати и слышати сладкаго твоего гласа... Избави же мене от **страстного** онога и жесточайшего гласа, еже речеши грешным, суцим ошуюю тебе: «Отидите от мене...»* (предсмертный плач мученицы Иустины из «Житии боярыни Морозовой»).

Изменения в семантике славянизмов приводили к утрате некоторых их значений, т.е. в процессе динамики языка в силу различных причин выходили из употребления одни значения и развивались другие, новые. Так, исходным значением славянизма *челнок* (*челнь*) всегда было и остается его русский синоним *лодка*, но в прошлом это слово имело и другое значение, которое было обнаружено нами в Картотеке древнерусского словаря в результате выборки: *челнокъ* — *длинный, узкий, начиненный крупую пирог* (Подвысоцкий А. «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении». — СПб., 1885). Судя по источнику можно предположить, что *челнокъ* в значении *пирог* было известно только в определенной местности, а значит, оно было диалектным, тем более, что такое значение этого слова не зафиксировано в исторических словарях. Между тем в Словаре русского языка С.И.Ожегова приводится новое, приобретенное со временем значение, которое, на наш взгляд, называет предмет, похожий по форме на лодку. Ср.: *челнок*, — 1. То же, что челн (выдолбленная из дерева лодка). 2. В ткацком станке, швейной машине: овальная, продолговатая или иной формы колодка с накрученной или укрепленной внутри нитью.

В процессе номинации предмета развилось его мотивированное значение, поэтому здесь речь идет о метафоризированном термине. Когда-то слово *челнок* обозначало предмет, который по форме тоже был похож на лодку. Ср.: *челнь* — *кубокъ, братина въ виде челна: — Да семьнатцать кубковъ..., да вошь, да чолнь, да курь, а весу въ кубкехъ и въ воле и въ куре и въ чолну восемьдесят гривенокъ и шесть гривенокъ*. С исчезновением предмета из языка ушло и его название, тем более, что для современного языкового сознания архаичным является исконное значение, которое нуждается в социокультурной интерпретации.

На основе переноса значения, столь характерного для номинации какого-либо предмета, объекта, явления, в современном языке появилось новое значение славянизма «челнок»: *челноки* (*челнок*) — торговцы, закупающие товары широкого потребления мелким оптом и реализующие их в розницу с наценкой. Думается, что подобное значение появилось в языке в результате метафоризации, переноса по сходству — совершение частых движений туда и обратно между двумя пунктами, подобно челну на переправе. Современное языковое сознание не ассоциирует это новообразование с челном-лодкой (для современно языкового социума необходима семантизация этого архаизма), но связь с исконным значением можно установить с помощью толкования прилагательного *челночный*. С.: *челночный* — 1. см. челнок. 2. перен. Связанный с регулярным движением между двумя пунктами на короткой дистанции. *Челночный маршрут. Челночные перевозки*. В обиходе современного языка

встречаются сочетания *челночный бизнес, челночный бег, челночный стежок*. Разваленная экономика в постсоветский период породила феномен челночного бизнеса — социального явления, характерного для постсоветского периода и перехода страны в рыночную экономику. Из этого следует, что появление и актуализация того или иного значения слов связано прежде всего с экстралингвистическими факторами.

Изменения значений слов весьма разнообразны и индивидуальны, но в языкознании достаточно четко обозначены основные тенденции и закономерности, свойственные славянизмам. «Одна из важных закономерностей изменений в языке состоит в том, что наиболее частое, типичное использование постепенно становится единственно возможным. Таким путем изменяют свои значения очень многие славянизмы. Количественные изменения в их употреблении способствуют серьезным качественным изменениям. При этом на основе конкретных значений слов очень часто развиваются абстрактные» [6; 164]. В результате распада двуязычия «в условиях современной языковой ситуации за славянизмами закрепляются особые функции — выражение абстрактного, возвышенного и поэтического содержания» [7; 118].

«Семантическая память» славянизмов соотносится с историей и культурой русского народа. Так, очень многие древние слова сохранились и в современном языке: *бытие, благополучие, власть, влага, вражда, возраст, время, вселенная, вред, гражданин, главный, древесный, зрачок, заглавие, мрак, мрачный, млечный, награда, праздник, племя, преграда, преемник, представление, пространство, прохлада, разум, сознание, существо, сущность* и т.д. Одни из них, пройдя испытание временем, сохранили свое исконное значение, ср.: слово *жажда* не претерпело никаких семантических изменений. Другие, большая часть слов, подверглись различным семантическим изменениям, расширив или сузив свое прежнее значение.

Несмотря на то, что славянизмы соотносятся в современном языковом сознании с архаизмами, а значит, составляют пассивный фонд русского языка, ученых продолжает интересовать этот уникальный феномен в истории и языке славянских народов. Так, в настоящее время вновь возрос интерес к словам, которые отражают ценностные представления носителей языка и особенности их мировосприятия и миропонимания. Возрастающий интерес к функционированию славянизмов в различных культурно значимых для носителей языка текстах объясняется, на наш взгляд, актуализацией религиозных истоков, концептуализацией духовных ценностей и их ментальной репрезентацией через язык. В семантике этих слов представлена целая система общеславянского мировидения и многовековая культура славянских народов.

Таким образом, эволюция представлений о понятиях в истории русского языка приводит как к их ценностному осмыслению, так и к переосмыслению старых значений. Культурно-историческая мотивация современного словоупотребления позволяет говорить о случаях системных эволюционных преобразований. В первую очередь это касается славянизмов, которые имеют внутреннюю семантическую историю. Процесс проникновения старославянской (церковнославянской) лексики в русский литературный язык осуществлялся в разные исторические периоды неравномерно, что зависело, прежде всего, от определенных культурно-исторических условий.

Список литературы

1. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. — М.: Наука, 1986. — 356 с.
2. *Срезневский И.И.* Мысли об истории русского языка. — СПб.: Наука, 1998. — 172 с.
3. *Сороколетов Ф.П.* История военной лексики в русском языке XI–XVII вв. — Л.: Наука, 1970. — 383 с.
4. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). — М.: Гнозис, 1994. — 340 с.
5. *Живов В.М.* Язык и культура в России XVIII века. — М.: Изд-во «Языки русской культуры», 1996. — 546 с.
6. *Улуханов И.С.* О языке Древней Руси. — М.: Азбуковник, 2002. — 192 с.
7. *Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). — М.: Гнозис, 1994. — 240 с.